

ИСТОРИЯ

Л.Б. Гмыря

**РАЗВИТИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЙ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ
СООБЩЕСТВЕ ПРИКАСПИЙСКОГО ДАГЕСТАНА В IV–VII вв.**

Изучение религиозных представлений населения Прикаспийского Дагестана (равнинные территории Восточного Предкавказья) в IV–VII вв. является сложной научной задачей, особенность которой обуславливается двумя основными факторами – полиэтничностью населения этого региона и характером источниковой базы темы исследования.

Население Прикаспийского Дагестана в IV–VII вв. включало несколько этнокультурных групп: 1) местные кавказские племена; 2) ираноязычные племена-мигранты; 3) тюркоязычные племена-мигранты; 4) несвободное население (пленники и рабы) (краткий очерк исторического развития населения региона представлен в главе 3 настоящего исследования).

Ираноязычные племена (сарматы, аланы) обосновались в этом регионе во II в. н.э., и их приоритет в Прикаспии прослеживается по данным письменных источников и археологическим материалам до начала массовой миграции в Юго-Восточную Европу гуннов (70-е гг. IV в.).

В эпоху Великого переселения народов (IV–VII вв.) Прикаспийский Дагестан стал новой, обретенной родиной для многих тюркоязычных племен Центральной Азии и Южной Сибири. Формирование тюркоязычного населения в Прикаспии имело свою специфику. Этот процесс был длительным и многоэтапным, в нем участвовали различные тюркоязычные племена. По данным письменных источников, в 90-е гг. IV в. в Прикаспийский регион переместились крупные массы гуннских племен, в начале VI в. на этой территории обосновались болгарские племена (савиры и другие). В период с конца VI по 30-е гг. VII в. на Прикаспийский Дагестан было распространено влияние Первого Тюркского каганата, активно использовавшего его как плацдарм в противостоянии с сасанидским Ираном. С середины VII в. до захвата этого региона Арабским халифатом в 40-х гг. VIII в. его население находилось под властью каганов Хазарии.

Несвободное население Прикаспийского Дагестана было представлено выходцами из стран Закавказья и Передней Азии, захваченными в плен во время военных акций номадов Прикаспия в IV–VII вв. или приобретенными на невольничьих рынках Востока. Эта группа населения также не была однородной, для нее было характерно этнокультурное многообразие.

Как показывает анализ данных письменных источников, кардинальные изменения в этническом составе этого региона – преобладание на его территории в течение IV–VII вв. тюркоязычного населения с различными этническими компонентами – привели к резкой смене идеологии. Основу новой идеологии составили традиционные верования тюркоязычных племен. Но сложившаяся в глубокой древности система мировоззрения тюркоязычных племен в новой географической и этнокультурной среде Прикаспийского Дагестана подверглась определенной трансформации, обусловившей формирование синкретических религиозных представлений населения региона. Основные постулаты верований тюркоязычных племен были дополнены некоторыми компонентами религиозных представлений местного кавказского населения и потомков ираноязычных кочевников. В среде несвободного населения, исповадовавшего христианство, сформировался иной тип религиозного синкретизма, отличительными свойствами которого являлось восприятие

как христианских идеологических ценностей, так и некоторых компонентов религиозной практики господствовавших тюркоязычных племен.

Источниковая база по проблеме религиозных представлений населения Прикаспийского Дагестана в IV–VII вв. достаточно обширна. Сведения о проявлениях религиозности населением этого региона содержатся в разнохарактерных трудах V–XIII вв. – исторических сочинениях, хрониках, географических трактатах, литературных произведениях. Но информация о религиозных верованиях прикаспийских племен имеет вторичный характер, т.к. передана иностранными авторами – римскими, византийскими, армянскими, сирийскими, арабскими. Данные о верованиях населения этого региона содержатся в описаниях грандиозных событий IV–VII вв. военно-политической истории Кавказа. Это в основном краткие сообщения и упоминания, информация в которых зачастую искажена авторами предвзятостью к инокультурным традициям, ряд сообщений переданы завуалировано, что затрудняет их понимание.

Религия племен Прикаспийского Дагестана в IV – первой половине VII в. являлась политеистической, пантеон был сформирован и структуризирован. Главным божеством считался бог Неба, именно его именем подтверждались клятводоговоры у гуннов и савир; тюрки клялись, упоминая священный природный объект – солнце, связывая его с именем кагана. Из функций божеств наиболее четко в материалах источников проявляется функция обеспечения победы в военных акциях. Священным объектом природы выступает Солнце, священной силой – вода. Жертвенными объектами являлись животные, ароматы и мускус; формами подачи жертв были заклятие животных и окропление мускусом и ароматами тлеющих углей костра. Культовые объекты включали храмы и скульптуры божеств пантеона. Роль первосвященника исполнял правитель сообщества. Религиозная практика была обширной, по данным источников восстановлены семнадцать обрядов, некоторые из них имели несколько разновидностей. В обряде вызова дождя (652/653 г.) в качестве атрибута использовались мощи выдающихся людей-врагов.

Мировоззрение населения включало представления о структуре микрокосма – главной сферой поклонения являлось Небо, Земля рассматривалась как место обитания сообщества, существовали также священные территории, использовавшиеся для проведения обрядов военного цикла и для подготовки армии к военным акциям. Представления о Нижнем мире явно не обозначены в верованиях, но его значимость проявляется в системе ритуалов похоронно-поминального обряда, в котором смерть сородичей воспринималась как отрицательное явление.

В религиозных верованиях населения Прикаспийского Дагестана в IV – первой половине VII в. четко проявляются компоненты трех групп населения – тюркоязычных племен-мигрантов, местного населения и несвободного населения (пленники и рабы). Основная часть религиозных проявлений была связана с тюркоязычными племенами (гунны, савиры, тюрки). Религиозные верования местного населения запечатлены в обряде вызова дождя, связанного с его земледельческой деятельностью. Верования несвободного населения – христиан подверглись в иноэтнической и инокультурной среде определенной трансформации. Через осваивание языка господствующего этноса (тюркский) несвободное население воспринимало некоторые компоненты его религиозной практики, в результате формировался религиозный дуализм. Однако мировоззрение несвободного населения не составляло с иными группами населения единую систему в силу социального статуса этой группы. В то же время господствующий этнос не препятствовал вероисповеданию этой группы населения. Восприятие языка господствующего этноса и некоторых элементов его духовной культуры зависимым населением являлось механизмом его вживания в инокультурную среду кочевников.

Религиозные представления второго периода восстанавливаются в соответствии с содержанием данных 80-х гг. VII в., имеющихся в «Истории страны алван» Мовсеса Каланкатуаци. Религиозные верования населения Прикаспийского Дагестана второй половины VII в. в отличие от предшествующего периода предстают по данным этого источника, в виде стройной системы, включавшей три связанных между собой компонента –

комплекс религиозно-мифологических представлений, религиозную практику и мировоззрение.

Мифологическая основа верований содержала четкую информацию о пантеоне, его структуре и функциях божеств. В ней были обозначены священные объекты и силы природы, определен перечень культовых объектов и показана их значимость.

Пантеон включал бога Неба Тенгри-хана, бога молнии и грома Куара, богиню Земли и плодородия, богов дорог. Божества пантеона были персонифицированы, антропоморфизированы, антропонимизированы и наделены определенными функциями. Верховным богом считался бог Неба Тенгри-хан, статус которого в пантеоне определен его наименованием через обозначение священного Неба и приставкой к нему «хан», фиксирующей в социальной сфере тюрков главенство. В представлениях верующих бог Тенгри-хан обладал неограниченными функциями – он исполнял просьбы верующих, дарил им блага, обеспечивал могущество страны и победы в битвах с врагами. Но он был наделен и отрицательными функциями – посылал бедствия на страну, если нарушалась связь с ним посредством прекращения жертвоприношения. Богу молнии и грома Куару принадлежали две важные функции, связанные с хозяйственной деятельностью населения, – дарование дождя в засушливый период и ниспослание ясной погоды в период ливневых дождей. Обе функции обеспечивали благополучие страны и народа. Наказующая функция бога Куара проявлялась в поражении молнией людей и предметов. Богиня Земли и плодородия (ее имя в источнике не названо, хотя сфера ее деятельности – Земля – четко определена) была наделена двумя противоположно направленными функциями: 1) дарить жизнь и обеспечивать увеличение численности населения; 2) наказывать всех, кто осквернял или пытался уничтожить культовые объекты, устрашением, наделением тяжелой болезнью, уничтожением дома и рода. Боги путей выполняли роль коммуникативных агентов, осуществлявших связь богов с верующими.

Одно из важнейших мест в религиозно-мифологических представлениях населения Прикаспийского Дагестан во втором периоде было отведено мифическому персонажу Аспандиату, не имевшему статуса божества, но наделенному широким спектром социально направленных функций: 1) избавлять от бедности и нужды; 2) исцелять больных; ему приписывалось также совершение каких-то подвигов.

Священные объекты природы представлены в верованиях астральными образами – Солнцем, Луной и Землей, а также обожествляемыми силами природы – огнем и водой. Священные объекты и силы природы не были персонифицированы. Культ солнца был выражен в верованиях слабо, что отражает состояние социально-экономического развития Прикаспийского союза племен в IV–VII вв. Земля как объект поклонения была персонифицирована частично через обозначение женской ипостаси этого образа и наделение его функцией плодородия.

Культовые объекты представляли собой искусственные объекты или окультуренные природные объекты. Они были представлены в верованиях священными деревьями, храмами, идолами и некрополями. Священные деревья являлись окультуренным природным объектом. Обожествлялись листовые породы деревьев больших размеров, имевших развитую крону. Священные деревья были наделены двумя функциями – коммуникативной и символической. Коммуникативная состояла в использовании их как жертвенников в обряде жертвоприношения. Символическая функция проявлялась в мировоззренческих представлениях, в которых структура Вселенной выступала в виде главного священного дерева. На священные деревья была распространена культовая иерархия. Наиболее высокое дерево имело статус главы и матери всех священных деревьев, который обуславливал его связь с богиней Земли и плодородия.

Храмы представляли собой здания, в которых проводились некоторые типы обряда жертвоприношения, в них были обустроены алтари. Храмы являлись также хранилищами жертвенных даров. Основная функция храмов – коммуникативная.

Идолы – скульптурные изображения богов и священного персонажа Аспандиата. Они являлись их символами. Облик скульптурных изображений богов отражал представ-

ления верующих об их различиях и иерархию. Наделенные именами богов, скульптуры являлись их аналогами. В личинах идолов проявлялись представления верующих о власти богов и обладании ими наказующей функцией. Каждому божеству посвящалась триада культовых объектов – дерево, храм, скульптура. Храмы, скульптуры и жертвенники составляли культовый комплекс – святилище.

Некрополи также являлись искусственными культовыми объектами, наделенными коммуникативной функцией. Они были задействованы в культе героизированных предков и в погребально-поминальном обряде.

Культовые объекты были защищены системой запретов, регулирующих хозяйственную деятельность членов сообщества и их поведенческую мотивацию. Символом религиозных воззрений населения Прикаспийского Дагестана фактически являлось главное священное дерево, занимавшее среди коммуникативных объектов ведущее положение и символизировавшее в представлениях населения региона микрокосм.

Религиозная практика населения Прикаспийского Дагестана второго периода сопровождала наиболее значимые сферы функционирования сообщества – внешнеполитическую, военную, хозяйственную, бытовую, сакральную, похоронно-поминальную. По данным источника выявлено восемнадцать обрядов, которые по содержанию и направленности объединены в десять типов: 1) обряд жертвоприношения; 2) природно-календарные обряды; 3) защитные обряды; 4) социальные обряды; 5) военно-религиозные обряды; 6) посвятельные обряды; 7) клятводоговоры; 8) церемония приветствия иностранных правителей; 9) обряд казни священнослужителей; 10) похоронно-поминальный обряд.

Жертвоприношение было универсальным обрядом, через него осуществлялась связь верующих с божествами, обеспечивавшими, по представлениям, стабильность бытия сообщества. Практически все явления социально-экономической, военной и бытовой сфер функционирования сообщества были сопряжены с жертвоприношением. Всяческое «благо» как на общественном уровне, так и на личностном обеспечивалось постоянным принесением жертвы богам, священному персонажу, сакральным объектам и силам природы, культовым объектам. В обряде жертвоприношения использовались четыре типа жертвенных объектов – жертвенное животное (конь), человеческая жертва (люди, погибшие в результате удара молнии), материальные объекты (природные и культурные объекты, уничтоженные ударами молнии), приношения в виде даров. Делать жертвы означало провести над священным животным соответствующие манипуляции, т.е. перевести его в форму, могущую быть воспринятой божеством. Использовались пять форм жертвоприношения – 1) «жертва всеожжения» (сожжение туши жертвенного коня на костре); 2) «жертва заклания» – кровавая жертва (кровью жертвенного животного окроплялась крона священного дерева, его шкура и голова, укрепленные на шесте, помещались на ветвях дерева); 3) жертва-дар (материальные дары); 4) жертва человеческая (погибший в результате удара молнии человек); 5) жертва в виде объекта (природные и культурные объекты, уничтоженные ударом молнии).

Природно-календарные обряды (обряд вызова дождя, обряд вызова солнца, серия ритуалов, проводимых по случаю поражения молнией) были связаны с атмосферными явлениями, определяющими хозяйственную деятельность населения. Они проводились через жертвоприношение, но в обрядах вызова дождя и солнца использовались и специальные манипуляции священнослужителей из сословия колдунов, имитирующие эти природные явления.

Защитные обряды были направлены на сохранение культовых объектов, по поверьям, обеспечивавших стабильное функционирование сообщества. Суть этих обрядов состояла в вызове наказания (тяжелая болезнь, смерть, уничтожение дома и рода) осквернившим или пытавшимся уничтожить культовые объекты. Социальные обряды были нацелены на избавление членов сообщества от тяжелых болезней, бедности, нужды и на обеспечение роста численности населения.

Военно-религиозные обряды были связаны с военной деятельностью сообщества, они были направлены на обеспечение успешности военных акций и обороны страны. Посвятительные обряды проводились при получении правителем и знатью титулов. Клятводоговор – это словесная форма, подтверждавшая принятые договорные обязательства с иностранными правителями или их посланниками. Он отличался выработанностью традиций, гарантом в нем выступал верховный бог Неба. Обряд приветствия иностранных посланников был тождественен обряду приветствия собственных правителей страны и предусматривал исполнение глубокого поклона. Обряд казни священнослужителей (предание огню) являлся специфическим, он содержал очистительную символику огня и символику перекрещенных путей земли.

Похоронно-поминальный обряд представлял собой годовой цикл ритуалов, полностью восстанавливающийся с привлечением данных о похоронно-поминальном обряде тюркоязычных племен Центральной Азии и Южной Сибири. Он включал: 1) ритуалы по случаю смерти; 2) малые поминки; 3) ритуалы по случаю похорон; 4) ритуалы по случаю установки мемориала; 5) Большие (годовые) поминки. Ритуалы по случаю смерти у племен Прикаспия состояли из жертвоприношения, скачек на лошадях, самоистязания и оплакивания. В Большие (годовые) поминки проводились вблизи кладбищ народные игрища (битвы на мечях, борьба, скачки, игры, пляски, эротические действия) и заключались новые браки в роду умершего (левиратные формы брака с вдовой и браки новых пар). Оформление новых браков в этом обряде имело символику цикличности жизненных процессов (жизнь–смерть–жизнь).

Религиозная практика осуществлялась через посредство культовых объектов организацией священнослужителей, включавшей два соподчиненных сословия – высшее (сословие жрецов) и низшее (сословие колдунов). В каждом из них существовала внутренняя иерархия. Функция первосвященника принадлежала главе сословия жрецов.

Мировоззрение населения Прикаспийского Дагестана второго хронологического периода так же как и первого, было сформировано из представлений о структуре микрокосма, но эти представления четко проявляются в понимании содержания его горизонтальной и вертикальной подсистем. Мир «страны гуннов» Прикаспийского Дагестана в горизонтальной подсистеме космической структуры – это сакрально освоенное пространство с равнинным ландшафтом, имеющее конкретные границы на востоке и западе (береговая линия моря, Дербентский проход, передовая линия гор). Северная степная сторона как населенная этнически родственными племенами была открытой. Вертикальная подсистема микрокосма представлялась в виде трех уровней. Ее символом являлся образ главного священного дуба, отличительными качествами которого выступали его гипертрофированные размеры и мощная крона с обильной листвой. Символизируя собой вертикальную ось мира, соединяющую три сферы микрокосма, его крона, достигающая неба, ассоциировалась с Верхним миром (Небо), ствол, несущий в себе дополнительную символику коммуникатора (дорога на небо), связывался со Средним миром (Земля). Жертвенное животное – конь (копытное) также ассоциировалось со Средним миром. В Среднем мире находилось обиталище богини Земли, каковым, возможно, было чрево главного священного дерева. Образ богини Земли был связан с мифическим персонажем Аспандиатом, наделенным широким спектром функций. Главное священное дерево имело статус «матери всех других священных деревьев». Оно являлось источником силы и мощи мифического персонажа Аспандиата.

Нижний мир в религиозных представлениях населения четко не обозначен, хотя отмечена зооморфная своеобразность некоторых атрибутов священнослужителей – подвески в виде змея (дракона). Смерть воспринималась как отрицательное явление, нарушающее стабильность и целостность системы функционирования сообщества. Годовой цикл похоронно-поминального обряда был направлен на включение умершего в систему мира предков, а его последний этап (Большие, годовые поминки) – на восстановление целостности Среднего мира, достигаемой через брак вдовы умершего, и уравнивание таким образом всей системы микрокосма.

Представления о Среднем мире были тождественны идеологическому понятию «отчизна» (родина), понимаемому как сакрально освоенное пространство с центром в г. Варачане (столица «страны гуннов»), освещенное традициями предков. Понятие «отчизна» включало также представления о единстве происхождения, предках и богах, наделенных разнообразными функциями, направленными на обеспечение благополучия страны и народа. Благополучие страны понималось как изобилие материальных средств, победоносные войны с врагами, незыблемость традиций, прирост населения, социальная стабильность в обществе, сохранение индивида, его семьи и рода.

В религиозных верованиях населения Прикаспийского Дагестана второй половины VII в. четко проявляются, как и в верованиях первого периода, компоненты трех групп – однородного по своему составу тюркоязычного населения и местного населения, верования которых были политеистическими, и христиан. Верования христиан носили, как и в первом периоде, дуалистический характер (симбиоз христианства и язычества господствующего этноса). Религиозные верования местного, кавказского населения проявляются в обрядах календарного цикла и в культе бога грома и молнии Куара. Содержание основных компонентов религиозных верований и мировоззрение были обусловлены идеологией господствующего этноса (тюркоязычное население).

Результаты исследования показывают, что в эпоху Великого переселения народов в полиэтнических обществах формируются синкретические религиозные представления, содержание которых обусловлено характером верований господствующего этноса-мигранта, в Прикаспийском Дагестане – религиозными верованиями тюркоязычных племен. В качестве компонентов в них включаются некоторые виды религиозной практики и верований местного населения, обусловленные их значимостью в хозяйственной деятельности, в Прикаспийском Дагестане – культ бога молнии и грома, обряды календарного цикла.

Верования господствующего этноса-мигранта в новой географической среде обитания подвергаются незначительной трансформации, которая сказывается на содержании идеологического понятия «отчизна» (родина), при этом формируется обновленное его понятие – «обретенная родина». Оно включает основные компоненты первого (мировоззрение, пантеон божеств, ценностные ориентиры сообщества) и новые представления о территории жизненного пространства (форма, специфика природных объектов, климатические условия, характер растительности, стратегическое положение).

Христианское население (пленники и рабы) различной этнокультурной принадлежности в новой этнокультурной среде кочевников сохраняют свою конфессиональную приверженность в неизменном виде только в первом поколении. Дети пленников и рабов, считая себя христианами, через восприятие языка господствующего этноса осваивают некоторые постулаты его религиозных верований, что приводит к формированию синкретического характера религии этой среды (симбиоз христианства и религиозной практики господствующего этноса).

Синкретические верования в полиэтнических сообществах являются адаптационным механизмом вживания иноэтнических групп в инокультурную среду и способом существования всех групп населения.

Выявленные закономерности в формировании синкретических религиозных представлений населения Прикаспийского региона в IV–VII вв. характеризуют общие тенденции развития религиозных воззрений населения в эпоху Великого переселения народов в зонах функционирования военно-политических образований и государств при господстве этносов-мигрантов.

Как представляется, перспективной научной задачей является создание комплексного монографического труда о религиозных представлениях населения Прикаспийского Дагестана в IV–VII вв., основанного на всех доступных видах источников – письменных данных, археологических материалах, лингвистических разработках, фольклорных и этнографических материалах.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агафий* – Агафий. О царствовании Юстиниана / Пер., статья и прим. М.В. Левченко. М.; Л., 1953.
- Ал-Балазури* – Из сочинения Баладзори «Книга завоевания стран» / Пер. П.К. Жузе // Материалы по истории Азербайджана. Баку, 1927. Вып. III.
- Ал-Истахри* – Ал-Истахрий. Из «книги путей и царств» // Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербейджане. СМОМПК. Тифлис, 1901. Вып. XXIX.
- Ал-Йа'куби* – Я, Куби. История / Пер. П.К. Жузе // Материалы по истории Азербайджана. Баку, 1927. Вып. IV.
- Ал-Куфи I* – Дорн Б. Известия о хазарах восточного историка Табари, с отрывками из Гафис-Абру, Ибн-Алзем-Эль-Куфи и др. / Пер. с нем. П. Тяжелова // ЖМНП. СПб., 1844. август.
- Ал-Куфи II* – Абу Мухаммад Ахмад Ибн А'сам ал-Куфи. Книга завоеваний (Извлечение по истории Азербайджана VII–IX вв.) / Пер. З.М. Бунятова. Баку, 1981.
- Ал-Куфи III* – Ал-Куфи «Китаб ал-Фатух» («Книга завоеваний») / Пер. Н. Гараевой // [История татар с древнейших времен. В 7-и т. Т. 1. Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002. Приложение 10].
- Ал-Масуди I* – Масуди. Из книги «Луга золота и рудники драгоценных камней» / Пер. Н.А. Караулова // Караулов Н.А. Сведения арабских географов IX–X веков о Кавказе, Армении и Азербейджане. СМОМПК. Тифлис, 1908. Вып. XXXVIII.
- Ал-Масуди II* – Масуди. Мурудж ад-Дзахаб (Россыпи золота) (Глава XVII) / Пер. В.Ф. Минорского // [Минорский В. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М., 1963].
- Аммиан Марцеллин I* – Аммиан Марцеллин. История / Пер. В.В. Латышева // Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. II. Латинские писатели. СПб., 1906. Вып. 2.
- Аммиан Марцеллин II* – Аммиан Марцеллин. История / Пер. Ю.А. Кулаковского. Киев, 1908. Вып. III.
- Аммиан Марцеллин III* – Аммиан Марцеллин. История / Пер. В.В. Латышева // ВДИ. 1949. № 3.
- Аммиан Марцеллин IV* – Аммиан Марцеллин. История / Пер. Ю.А. Кулаковского. Вып. III // [История татар с древнейших времен. В 7-и т. Т. 1. Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002. Приложение 6].
- Армянская география I – Армянская география VII в. по Р.Х. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому) / Пер. К.П. Патканова. СПб., 1877.
- Армянская география II – Патканов К. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП. 1883. Март.
- Ат-Табари I* – Шихсиадов А.Р. Книга ат-Табари «История посланников и царей» о народах Северного Кавказа // Памятники истории и литературы Востока. М., 1986.
- Ат-Табари II* – Ат-Табари «История пророков и царей» / Пер. Н. Гараевой // [История татар с древнейших времен. В 7-и т. Т. 1. Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002. Приложение 10].
- Барбаро и Контарини* о России. Л., 1971.
- Бичурин*, 1950 – Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Отделения I, II, VI. М.; Л., 1950. Т. I.
- Вардан Великий* – Всеобщая история Вардана Великого / Пер. Н. Эммина. М., 1861.
- Гадательная книжка – Гадательная книжка / Пер. С.Е. Малова // [Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л., 1951].

Геродот I – Геродот. Истории / Пер. Е.А. Бессмертного // Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Ч. I. Греческие писатели. СПб., 1983. Вып. 1.

Геродот II – Геродот. Истории / Пер. Е.А. Бессмертного // Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1992.

Дербенд-наме I – «Дербенд-наме» / Пер. А.Р. Шихсаидова // Восточные источники по истории Дагестана (сборник статей и материалов). Махачкала, 1980.

Дербенд-наме I а – «Дербенд-наме» / Пер. А.Р. Шихсаидова // Мухаммед Аваби Акташи. Махачкала, 1992.

Дербенд-наме II – Акташи Мухаммед Аваби. Дербенд-наме (Петербургский список) / Пер. Г.М.-Р. Оразаева. Махачкала, 1992.

Дербенд-наме III – Дербенд-наме (Румянцевский список) / Пер. Г.М.-Р. Оразаева // Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М. 1993.

Евсевий Иероним I – Евсевий Иероним. Письмо 107. К Лэте / Пер. В.В. Латышева // Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. II. Латинские писатели. СПб., 1906. Вып. 2.

Евсевий Иероним II – Евсевий Иероним. Письмо 107. К Лэте / Пер. В.В. Латышева // ВДИ. 1949. № 4.

Егише I – История Егише Вардапета. Борьба христианства с учением зороастровым в пятом столетии в Армении / Пер. П. Шаншиева. Тифлис, 1853.

Егише II – Егише. О Вардане и войне армянской / Пер. И.О. Орбели. Ереван, 1971.

Ибн ал-Асир I – Из «Тарих ал-Камиль» (полный свод истории) Ибн ал-Асира / Пер. П.К. Жузе // Материалы по истории Азербайджана. Баку, 1940.

Ибн ал-Асир II – Ибн ал-Асир «Ал-Китаб ал-Камил Фи-т-тарих» («Совершенная книга по истории») / Пер. Н. Гараевой // [История татар с древнейших времен. В 7-и т. Т. 1. Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002. Приложение 10].

Ибн ал-Факих – Ибн ал-Факих. Из «Книги о странах» / Пер. Н.А. Караулова // Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербейджане. СМОМПК. Тифлис, 1902. Вып. XXXI.

Ибн Русте I – Из «Книги драгоценных камней», сочинения Абу-Али Ахмед-ибн-Омар-ибн-Рустэ / Пер. Н.А. Караулова // Караулов Н.А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербейджане. СМОМПК. Тифлис, 1903. Вып. XXXII.

Ибн Русте II – Ибн Руста. Ал-А'лак ан-нафиса / Пер. В. Минорского // [Минорский, 1963].

Ибн Кутейба – Ибн Кутейба. Фрагмент из «Handbuch der Geschichte» / Пер. А.Н. Генко // [Генко А.Н. Арабский язык и кавказоведение // Труды Института востоковедения М.; Л., 1941. № XXXVI].

Ибн Фадлан – Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956.

Иешу Стилит – Хроника Иешу Стилита. Летописная повесть о несчастьях, бывшие в Эдессе, Амиде и во всей Месопотамии / Пер. Н. Пигулевской // [Пигулевская Н. Месопотамия на рубеже V–VI вв. н.э. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник // Труды Ин-та востоковедения. М.; Л., 1940. Т. XXXI].

Иоанн Эфесский – История Иоанна Эфесского / Пер. Н.В. Пигулевской // [Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР // Труды Ин-та востоковедения. М.; Л., 1941. Т. XLI].

Иордан – Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica* / Пер., комм. Е.Ч. Скржинской. М., 1960.

Иосиф – Ответное письмо хазарского царя Иосифа. Краткая редакция // Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.

Киракос – Киракос Гандзакети. История Армении / Пер., предис. и прим. Л.А. Ханларяна. М., 1976.

Клавдий Клавдиан I – Клавдий Клавдиан. На Руфина. Книга I / Пер. В.В. Латышева // Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. II. Латинские писатели. СПб., 1906. Вып. 2.

Клавдий Клавдиан II – Клавдий Клавдиан. На Руфина. Книга I / Пер. В.В. Латышева // ВДИ. 1949. № 4.

Махабхарата – Махабхарата. Книга четырнадцатая. Ашвамедхикапарва, или книга о жертвоприношении коня / Пер., комм. Я.В. Васильева, С.Л. Невелевой. СПб., 2003.

Менандр Византиец. – В. Мендора Византийца продолжение истории Агафиевой / Пер. С. Дестуниса // Византийские историки. СПб., 1860.

Мовсес Каланкатуази I – История агван Мойсея Каганкатвази, писателя X века / Пер. К. Патканьян. СПб., 1861.

Мовсес Каланкатуази II – Мовсес Каланкатуази. История страны Алуанк / Пер., предис. и комм. Ш.В. Смбатяна. Ереван, 1984.

Мовсес Каланкатуази III – The History of the caucasian Albanians by Movsēs Dasxurancī // Translated by C.J.F. Dowsett. L., 1961.

Моисей Хоренский I – Армянская история, сочиненная Моисеем Хоренским с кратким географическим описанием древней Армении / Пер. Иосифа Ионнесова. СПб., 1809. Ч. II.

Моисей Хоренский II – История Армении Моисея Хоренского / Пер. Н. Эмина. М., 1858.

Моисей Хоренский III – История Армении Моисея Хоренского / Пер., прим. Н.О. Эмина. М., 1893.

Мхитар Гош – Мхитар Гош. Албанская хроника / Пер., комм. З.М. Бунятова. Баку, 1960.

Никифор – Патриарх Никифор. Бревиарий / Пер. и комм. И.С. Чичурова // [Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980].

Памятник Кюль-тегина I – Памятник в честь Куль-тегина. Малая надпись / Пер. С.Е. Малова // [Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л., 1951].

Памятник Кюль-тегина II – Памятник в честь Куль-тегина. Большая надпись / Пер. С.Е. Малова // [Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л., 1951].

Памятник Тоньюкука – Памятник в честь Тоньюкука / Пер. С.Е. Малова // [Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л., 1951].

Приск Панийский I – Приск Панийский. Готфская история / Пер. В.В. Латышева // Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Том I. Греческие писатели. СПб., 1900. Вып. 3.

Приск Панийский II – Приск Панийский. Готская история / Пер. В.В. Латышева // ВДИ. 1948. № 4.

Приск Панийский III – Приск Панийский. Готская история / Пер. В.В. Латышева // [История татар с древнейших времен. В 7-и т. Т. 1. Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002. Приложение 7].

Прокопий Кесарийский I а – Прокопия Кесарийского «История войн римлян с персами» в двух книгах / Пер. С. Дестуниса. Кн. I. СПб., 1876.

Прокопий Кесарийский I б – Прокопия Кесарийского «История войн римлян с персами». Кн. II. СПб., 1880.

Прокопий Кесарийский II – Прокопий из Кесари. Война с готами / Пер. С.П. Кондратьева. М., 1950.

Псевдо-Дионисий Телльмахрский – «Хроника псевдо-Дионисия». Часть III. Фрагмент / Пер. Н.В. Пигулевской // [Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР // Труды Ин-та востоковедения. М.; Л., 1941. Т. XLI].

Псевдо-Захария – Хроника Захарии Ритора (Главы, относящиеся к гражданской истории) / Пер. Н. Пигулевской // [Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР // Труды Ин-та востоковедения. М.; Л., 1941. Т. ХLI].

Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 г. // Записки императорского Новороссийского ин-та. Одесса, 1867. Т. 1.

Себеос – История императора Иракла, сочинение Епископа Себеоса, писателя VII века / Пер. К. Патканьян. СПб., 1862.

Страбон. – Страбон. География в 17 книгах / Пер. С.А. Стратановского. М, 1964.

Фавстос Бузанд – История Армении Фавстоса Бузанда / Пер., комм. М.А. Геворгяна под редакцией С.Т. Еремяна // Памятники древнеармянской литературы. I. Ереван, 1953.

Феофан Византиец – Выписки из истории Феофана / Пер. С. Дестуниса // Византийские историки. СПб., 1860.

Феофан Исповедник I – Летопись Византийца Феофана от Диоклитиана до царей Михаила и сына его, Феофилакта / Пер. В.И. Оболенского и Ф. А. Терновского // Чтения ОИДР. М., 1884.

Феофан Исповедник II – Феофан Исповедник. Хронография / Пер., комм. И.С. Чичурова // [Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980].

Феофилакт Симокатта – Феофилакт Симокатта. История / Пер. С.П. Кондратьева. М., 1957.

Фирдоуси – Фирдоуси. Шахнаме. ТТ. I–IV. М., 1957–1969.

Халифа б. Хаййат I – Бейлис В.М. Сообщения Халифы Ибн Хаййата ал-Усфури об арабо-хазарских войнах в VII – первой половине VIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. Памяти чл.-корр. РАН А.П. Новосельцева. М., 2000.

Халифа б. Хаййат II – Халифа б. Хаййат. «Тарих» («История») / Пер. Н. Гараевой // [История татар с древнейших времен. В 7-и т. Т. 1. Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002. Приложение 10].

Якут – Якут. Фрагмент из «Географического словаря» / Пер. А.Н. Генко // [Генко А.Н. Арабский язык и кавказоведение // Труды Института востоковедения М.; Л., 1941. № XXXVI].

Mahtud al-Kaşğari. Divanü Lûgat-it-turk. С. III. Ankara, 1941.